

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.6.29>

Назарян Дебора Артёмовна

Проблематика толкования образа Софии Премудрости Божьей в русской религиозной философии

Цель исследования - проанализировать проблематику, усмотренную русскими софиологами при изучении библейского образа Софии Премудрости Божьей. В статье используется методология С. Н. Булгакова по исследованию данного вопроса: рассматриваются ключевые аспекты православной традиции, указывающие на причину софиологических споров, где присутствует неоднозначность толкования образа Премудрости. Выявлена необоснованность критического отношения к русской софиологии на основании патристических воззрений, содержащих пробелы в толковании библейского образа Премудрости из-за многообразности её персонифицированного образа в православной традиции. Показана важность его полноценной догматической интерпретации как ответ на заявленную софиологами проблематику для понимания истоков софиологической мысли и завершения споров вокруг наследия С. Н. Булгакова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/6/29.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 6. С. 151-156. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Missionary Work as Conditioning Factor of Religious Cult in Orthodox Worldview

Nazaryan Artem Levaevich

Saratov State University

a-nazareos@yandex.ru

The study aims to analyse the place and purpose of the mission in a religious cult through the lens of the Orthodox worldview. In order to achieve this, the article considers the biblical doctrine of the essential foundations of the missionary work phenomenon. The research is novel in that this phenomenon is explicated using not only the texts of the New Testament but also those of the Old Testament. The attained results have shown that, despite differences in the mission representation in both the Testaments, its meaning is the same, consisting in generations-eyewitnesses of certain divine events and miracles passing their continuous testimony about the God as true beginning of all the things down to the next generations. A religious cult without the mission is pointless as it loses its original connection to the first beginning whereas the formation of missiology is associated with researching the image of Holy Wisdom as beginning of the God's way.

Key words and phrases: missiology; mission essence; Old Testament mission; missionary work; testimony; Christianity; theology; Great Commission; Holy Wisdom.

УДК 141; 2:22.08

Дата поступления рукописи: 02.03.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.6.29>

Цель исследования – проанализировать проблематику, усмотренную русскими софиологами при изучении библейского образа Софии Премудрости Божьей. В статье используется методология С. Н. Булгакова по исследованию данного вопроса: рассматриваются ключевые аспекты православной традиции, указывающие на причину софиологических споров, где присутствует неоднозначность толкования образа Премудрости. Выявлена необоснованность критического отношения к русской софиологии на основании патристических воззрений, содержащих пробелы в толковании библейского образа Премудрости из-за многообразности её персонафицированного образа в православной традиции. Показана важность его полноценной догматической интерпретации как ответ на заявленную софиологами проблематику для понимания истоков софиологической мысли и завершения споров вокруг наследия С. Н. Булгакова.

Ключевые слова и фразы: София Премудрость Божья; софиология; теология; С. Н. Булгаков; русская софиология; персонафикация Премудрости; патристика.

Назарян Дебора Артёмовна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
deboranazaryan@gmail.com

Проблематика толкования образа Софии Премудрости Божьей в русской религиозной философии

Актуальность исследования определяется, прежде всего, незавершенностью софиологических споров 20-30-х годов XX века о статусе учения о Премудрости Божией. Этот вопрос продолжал оставаться предметом все новых и новых дискуссий среди историков, философов, богословов, показывая несостоятельность основных доводов и обвинений против наиболее разработанного учения о Софии Премудрости Божьей русского философа-богослова Сергея Николаевича Булгакова. Созванная митрополитом Евлогием специальная комиссия решительно отвергла обвинения против С. Н. Булгакова в еретичестве, а комиссия преподавателей Православного богословского института в Париже осудила печально известный Указ Московской Патриархии [17, с. 33-45]. Таким образом, безысходность и тупиковость данного философско-богословского вопроса обуславливается не только отсутствием церковного догматического определения или же содержательного учения о Премудрости Божьей, но и усиливается явно поверхностным, предвзятым и поспешным суждением о софиологическом учении С. Н. Булгакова. О поспешности критического суждения об этом учении со стороны отдельных православных богословов (включая главного критика архиепископа Серафима (Соболева)) неоднократно говорилось как мыслителями-современниками С. Н. Булгакова [14], так и нынешними исследователями софиологии и русской религиозной философии. Современный историк философии Н. А. Ваганова, авторитетный исследователь трудов и жизненного пути С. Н. Булгакова, подчеркивает, что заявление прот. Иоанна Мейендорфа об исчерпанности софиологической проблематики как научной темы является преждевременным выводом [4, с. 5], а сам С. Н. Булгаков, по ее представлению, «пока еще нами не прочитан» [Там же, с. 8]. С точки зрения автора, принципиальным в этом споре остаётся безответность проблематики, заявленной С. Н. Булгаковым в своих творениях. Без понимания этой проблематики определенно невозможно провести **объективное, нетенденциозное исследование столь значительного для русской**

религиозной философии и богословия наследия, остающегося до сегодняшнего дня во многом «токсичной» темой в среде православных богословов. А меж тем значительность темы обусловлена ее прямой связью с основными книгами Священного Писания, и **потому ее неразрешенность будет нескончаемо актуализироваться**, воспринимая все новые и новые грани раскрытия, доколе не получит полную форму, структуру и ответ, определяемые не только богословски, но и философски и рационалистически: кто есть персонифицируемая в Священном Писании Премудрость Божия? В этой связи справедливо замечает Н. А. Ваганова, что «сама жизнь заставит и богословов тоже вновь обратиться к этой, казалось бы, для них закрытой теме» [Цит. по: 5]. Аналогичные рассуждения звучали и на XXII Ежегодной богословской конференции ПСТГУ, посвященной софиологии [12, с. 284]. Закрытость же темы о Софии Премудрости связана с тем, что умозрения богословов опираются на неоднозначные частные богословские мнения Отцов Церкви, что с догматической точки зрения является вовсе неприемлемым, поскольку церковный догмат неизбежно определяется, имея всестороннее подтверждение и аргументацию Словом Священного Писания. Поэтому для **объективного разрешения проблемы** в качестве первого шага представляется **важным очертить круг трудностей**, возникающих при исследовании русской софиологии, определяющихся гораздо более первичной по отношению к ней трудностью толкования образа Софии Премудрости Божьей в православной традиции, ведь это направление русской религиозной мысли представляет собой значительное наследие и поле для научных исследований. Как подчеркивает К. М. Антонов, «развитие философской мысли русских софиологов пришло к постановке богословских проблем и попыталось эти проблемы каким-то образом разрешить» [Там же, с. 287]. Несмотря на множество историко-философских исследований, посвященных различным идейным истокам софиологической мысли, **теоретическая база**, которая бы позволила включить в исследовательский дискурс богословский аспект проблемы, весьма ограничена по выше названным причинам. Однако стоит отметить работы Мастегры Владимировны Хачатрян, посвященные библейским истокам софиологии [15]. **Цель** данного исследования – обозначить основные проблемы, возникающие при изучении библейского образа Софии Премудрости Божьей. Новый непредвзятый взгляд на реконструкцию проблемы толкования библейского образа Премудрости, увиденной русскими софиологами, определяет **научную новизну** данного исследования и вносит большую ясность в трудную для понимания софиологическую мысль со всей запутанностью окружающих её софиологических споров, ибо позволит более досконально уразуметь внутренние мотивы, которыми руководствовались русские софиологи и в особенности С. Н. Булгаков. В этом состоит **практическая значимость** данного исследования.

София Премудрость Божья является одним из важнейших библейских образов, о котором свидетельствуют не только отдельные библейские стихи, но которому также посвящён целый раздел книг Ветхого Завета, называемый в научных исследованиях «сапиенциальными» или «хокмическими» книгами. Однако, несмотря на немалый базис исследовательского материала и источников о Софии Премудрости Божией со времен ветхозаветной традиции, до сих пор не выявлены и не представляются ясными ее личность, образ. Конечно, в истории философской мысли и в богословском наследии можно найти самые разные представления и толкования образа Премудрости Божией, описываемой в Священном Писании, но они настолько разнятся, что не могут пониматься иначе как частные мнения отдельных мыслителей, в то время как какое-то общепринятое или догматическое определение Премудрости Божией по факту отсутствует. В современной и дореволюционной православной богословской и историко-философской литературе более всего превалирует мнение, отождествляющее образ Софии Премудрости Божьей со Вторым Лицом Святой Троицы – Иисусом Христом. Обоснованием для подобного восприятия для многих богословов являются отсылки к творениям патристического периода, в которых Премудрость понимается как прообраз Слова Божьего – Логоса. Как справедливо указывал русский философ-богослов Сергей Николаевич Булгаков [2, с. 240], в патристической литературе этот вопрос не столь однозначен, так как некоторые Отцы Церкви, например, **Иринеи Лионский** в труде «Против ересей», **Феофил Антиохийский** в «Послании к Автолику», связывали образ Премудрости и с Третьим Лицом Святой Троицы – **Святым Духом**. Однако здесь есть еще одна, совсем иная сторона вопроса, которая нам не дает устойчивого права утверждать выше отмеченную концепцию. Эта сторона открывается нам в многочисленных литургических, молитвенных и даже учительских трудах и творениях Православной церкви, где Богородице приписываются качества, свойства и функции, которые имеет Премудрость Божия в текстах Священного Писания.

В целом, не вызывает сомнений, что раннехристианскими богословами и апологетами тема Премудрости Божьей не была достаточно глубоко осмыслена, и поэтому обоснование столь распространенных воззрений на Премудрость как Ипостась Слова Божьего отдельными заявлениями или определениями Отцов Церкви является явно недостаточным. Это связано с тем, что содержательные определения о Премудрости Божией, выдвигаемые раннехристианскими богословами, можно найти только в их специфических трудах, имеющих апологетический характер, которые составлялись против конкретных тезисов ересей, направленных против церковного учения именно о сущности и природе Иисуса Христа. Иными словами, в богословской сфере познания тема Премудрости поднималась лишь при необходимости разъяснения образа Иисуса Христа, а не Премудрости Божией как таковой.

Исследователь учения о Премудрости Божией протопресвитер Алексей Князев справедливо констатирует явный факт: «...ветхозаветная Божественная Премудрость никоим образом не поддается полному отождествлению ни с одной определенной Божественной Ипостасью. Для отцов Премудрость есть Логос, потому

что в Нем осуществилось все домостроительство нашего спасения. Но ветхозаветное учение о Премудрости гораздо шире и туманнее новозаветного откровения о Пресвятой Троице. Потому и не может быть знака полного равенства между Божественным Логосом и Божественной Премудростью. ... Таким образом, если отцы, следуя 1 Кор. 1, отождествляют Премудрость преимущественно с Ипостасью Сына, потому что откровение, подразумеваемое под этим образом, прообразует в первую очередь "обитание" среди нас воплотившегося Слова, мы должны тем не менее прийти к выводу, что **учение о Премудрости прообразует не одну только Вторую Ипостась, но и многое иное**» [9, с. 109].

В то же время, если рассматривать масштаб определений и образов Премудрости в Священном Писании, кажется немислимым тот факт, что догматического определения образа и личности Божьей Премудрости в церковной традиции нет наравне с определениями образов и Личностей Пресвятой Троицы, Богоматери и т.д. Возможно, данный недостаток можно объяснить отсутствием таковой необходимости, так как ересей, подобных арианству или несторианству, возмущающих церковную жизнь, или иных предпосылок, актуализирующих догматическое разъяснение образа Премудрости Божией, в истории не наблюдалось. Об этом свидетельствует факт того, что, к сожалению, нет никаких содержательных богословских трактатов или трудов, посвященных Премудрости Божией и ее теологическому определению, как оно существует для Иисуса Христа или образа Богоматери. Впрочем, учения о Премудрости Божьей, которые были выдвинуты на протяжении многих столетий религиозными философами и богословами, также не получили свое точное **догматическое опровержение или одобрение**. Данный факт и стал причиной появления наиболее значительного философско-богословского течения мысли конца XIX – начала XX века – русской софиологии, **виднейшие представители которой: В. С. Соловьёв, отец П. А. Флоренский, протоиерей Сергей Булгаков, князь С. Н. Трубецкой и князь Е. Н. Трубецкой** – и обусловили расцвет русской религиозной мысли вообще. Однако и даже в этом случае идеи русских софиологов, которые нередко обосновывались стихами Священного Писания, также не получили стойкой поддержки и одобрения с церковной и догматической стороны. Вопреки всему, С. Н. Булгаков как яркий представитель софиологии утверждал, что, хотя патристическому богословию софиология чужда, оно по факту постулирует ее положения в своих дедукциях [3, с. 25].

Для разрешения представляемой проблемы Сергей Булгаков как глубокий исследователь образа Премудрости Божией и в философии, и в богословии предлагал вполне верный и логичный путь: «Ранее чем останавливаться на каком-либо собственном заключении, при всей спорности и неясности этого вопроса даже в святоотеческой письменности, мы должны искать истолкования этого места на основании самого же Слова Божия через сопоставление учения о Премудрости в книге Премудрости Соломона и Премудрости Иисуса Сына Сирахов» [2, с. 240]. Для **объективной оценки библейского учения о Премудрости Божией** представляется вполне разумным следовать подходу С. Н. Булгакова, так как в своих исследованиях философ, исключив всякую тенденциозность, анализировал и «факты церковного благочестия», и библейское учение, и святоотеческое наследие, и содержательный философский опыт, чтобы составить вкуче **православное** учение о Софии [6]. Но, к сожалению, за исключением попытки самого С. Н. Булгакова, такого трудоемкого и содержательного дела еще никем не предпринималось, так как этот гигантский и многоценный труд требует абсолютного единомыслия, соборности и искреннего желания исследования Премудрости Божией в ее многообразных и таинственных библейских образах.

Нужно отметить, что как философ С. Н. Булгаков с полной серьезностью и уважением относился к толкованиям и определениям образа Софии у св. Отцов Церкви. Об этом свидетельствует и В. Н. Ильин: «...учение о С. Булгакова о св. Софии и не может быть названо ересью, ибо он не проповедует чего-либо нового, чего не было в церковном сознании, и обосновывает свое учение на слове Божиим и святоотеческом предании, и никогда не утверждает его в качестве догмата, непризнанного и осужденного св. Церковью» [8, с. 23]. В софиологии Булгакова нет никаких тезисов или концепций, которые бы противоречили или же, в худшем случае, опровергали церковные определения образов Софии Премудрости Божией, если только не дополняли или не уточняли само общепринятое понимание этих толкований, так как он сам был человеком, который подобно Отцам Церкви жертвенно посвятил свою жизнь Церковному Служению и исследованию Слова Божия. Он так же называл Софию Премудрость Церковью, Телом Христовым, Вечной Девой, Богоматерью, Ангелом твари, Невестой, но только в образном представлении и их явлении, **а не в полном отождествлении**. Помимо всего этого, наиболее важным является факт того, что, в отличие от многих софиологов, С. Н. Булгаков излагает все свои умозаключения и понимания, неоднократно цитируя и разнообразные стихи из Священного Писания и глубоко анализируя толкования образа Премудрости наиболее авторитетных Отцов Церкви (Афанасий Великий, Григорий Богослов, Василий Великий, Григорий Палама и др.). Лишь благодаря исследованиям С. Н. Булгакова, всесторонне изучавшего православную традицию для обоснования глубоко-христианских и библейских корней своего учения о Премудрости Божией, стало ясно, что **представления в патристической литературе о Софии Премудрости как ипостасном Слове Божьем не вполне подтверждаются свидетельством неканонических книг Ветхого Завета**. Хотя авторитет последних, при выборе между двумя точками зрения, должен был бы быть признан предпочтительным, С. Н. Булгаков смог **аргументированно обосновать причины такого расхождения** [2, с. 253]. К сожалению, до сегодняшнего дня полноценного богословского анализа его учения в целом и серьезного исследования его **выводов по проблематике учения о Софии среди Отцов Церкви не было сделано**. Об этом свидетельствует явный исторический факт нерезультативности споров, осуждений и обсуждений учения Булгакова о Премудрости Божией современными ему богословами. Причину одного ясно видит и подмечает

В. Н. Ильин, критикующий авторов Послания Архиерейского Синода Русской православной церкви за границей (18 (31) марта 1927 г., Сремские Карловцы): «...аргументация о. Сергия от Св. писания и св. отцов оставляется авторами “Послания” без внимания, а их собственная ссылка на апостольское предание и святы отцов остается голословной, без точных указаний» [8, с. 22].

Кроме того, сколько бы ни предпринималось различных попыток толкований образа Премудрости, удовлетворительного ответа на вопрос, кто же есть Премудрость Божия и что означает ее явная и вовсе не символическая персонификация в Священном Писании, так и не было получено. Так, например, некогда студент С. Н. Булгакова, а впоследствии ректор Парижского богословского института протопресвитер А. Князев писал: «...вопрос о том, что такое Божественная Премудрость и что именно подразумевало ветхозаветное Писание под этим образом, представляет особый интерес и для русского богослова, и для русского просвещенного церковного читателя. Однако вопрос о Божественной Премудрости до сих пор не получил своего экзегетического разрешения... Образ ипостасной Премудрости поэтому является загадкой для современных экзегетов. Библейская наука не дала относительно него удовлетворительного решения» [9, с. 92]. Если же образ Премудрости не получает четкого и однозначного толкования, то и оценка патристических учений о Премудрости не может не содержать в себе ту же проблематику. Поэтому неудивительно, что в течение многих столетий данный вопрос и образ Премудрости, особенно выраженный в таинственных иконах и храмах, ей посвященных, изображающих Премудрость как отдельную от Христа и Богоматери личность, неоднократно привлекал к себе особое внимание разных мыслителей, богословов, философов и даже мистиков.

Следует сказать, что **одним из первых значительных исследователей образа Премудрости Божией** среди русских религиозных философов является В. С. Соловьев, философское учение которого свободно, с одной стороны, от всяких еретических увлечений, а с другой – от ограниченности, подчас характерной для религиозных воззрений. Его софиология стала новым уникальным в своем роде научно-богословско-философским учением о Премудрости Божией, в котором впервые был открыт новый простор и новый ракурс рассмотрения Ее образа. Софиологическое учение другого софиолога, «русского Леонардо да Винчи» XX века и гения **о. Павла Флоренского** считается самым близким церковному пониманию Премудрости Божией, потому что более всего он **рассматривал образ Софии в иконографической и литургической сферах**. Современный исследователь, доцент кафедры миссиологии ПСТГУ Н. Н. Павлюченков замечает, что «София сыграла свою роль в личных экзистенциальных поисках Флоренского; первоначально именно в ней он нашел максимально удобное выражение и обоснование своих чаяний. ...не доверяя личному опыту Соловьева, Флоренский сам приступил к исследованию мистических “откровений” о Софии и подошел к вопросу более глобально, чем Соловьев, включив в поиск также и церковную святоотеческую традицию...» [11, с. 35]. Исследуя святых отцов и образ Премудрости в церковной иконописи, П. А. Флоренский замечает следующую проблематику: «...именуемое “Софией” у св. отцов вовсе не всегда совпадает с содержанием этого имени в иконописи, к тому же – значительно более позднего времени и, наоборот, иконописная “София” вовсе не всегда обсуждается у св. отцов под этим же самым именем» [13, с. 371].

Непосредственными яркими продолжателями софиологических построений и исследований были князья Трубецкие – Евгений и его старший брат Сергей, которых глубоко ценил русский гений Владимир Соловьев. Евгений Трубецкий подходит к теме Софии также с христианской точки зрения, но, в отличие от Сергия Булгакова, в своих трудах не углубляется в Священное Писание, хотя его кропотливый аналитический подход к софиологическим определениям и концепциям главных русских софиологов, и более всего Владимира Соловьева, является весьма ценным. Несмотря на теплые и близкие отношения между ними, Е. Трубецкий все же иногда не соглашался и обращался с острой критикой некоторых философских идей Вл. Соловьева и С. Булгакова, находившегося тогда только в самом начале своих софиологических поисков. И данный факт показывает, что русская софиология в истории своего становления и основания развивалась не как некое еретическое частное направление мысли группы единомышленников, но исключительно как здоровое рациональное и научное богословско-философское учение о Премудрости Божией.

Все же среди всех наиболее крупных русских софиологов именно С. Н. Булгаков, как и обсуждалось выше, более всех кропотливо исследовал и очертил проблему святоотеческих толкований образа Премудрости в Священном Писании. Известно, что большое непосредственное влияние на его софиологические интересы имел Павел Флоренский, сыгравший значительную роль в жизни С. Н. Булгакова [7, с. 32], но софиология Булгакова со временем возросла и оформилась как особое и уникальное богословско-философское учение о Софии Премудрости Божией. Фактически он является единственным богословом и философом, перу которого принадлежит значительнейший объем трудов и записей, посвященных исследованию образа Премудрости Божией. Наиболее содержательные из них: «Свет невечерний», «Большая трилогия “О Богочеловечестве”»: «Агнец Божий», «Утешитель», «Невеста Агнца», из «Малой трилогии»: «Купина Неопалимая», из статей, например, «Ипостась и ипостасность». О Софии говорится в записанных В. А. Зандер «Протоколах семинаров о Софии Премудрости Божией», в личных дневниковых записях и др. При ознакомлении же с учением о. Сергия о Премудрости Софии раскрывается бездонный источник логически выстроенных богословских определений образа Премудрости Божией и ее онтологической роли в бытии мира. Совсем несправедливым является тот факт, что учение о. Сергия в некотором смысле пренебрегается и со стороны религиозных философов, и со стороны богословов и теологов. Ведь на сегодняшний день именно учение о. Сергия Булгакова о Софии Премудрости Божией является наиболее богословским, а не философским учением, в котором можно отчетливо проследить структуру, метод, идейную связанность. Уникальность софиологического учения

о. Сергия заключается в том, что чисто философские понятия и концепции, в которых философ-богослов раскрывает образ Премудрости, также находят свое обоснование в Священном Писании, о чем он сам уверенно писал в докладной записке митрополиту Евлогию: «Мое учение объявляется не имеющим “достаточного обоснования для себя в Слове Божиим и в творениях св. Отцов Церкви”, а мои попытки найти таковое являются, “совершенно несостоятельными”. На это суждение я имею ответить, что таковыя основания я все-таки нахожу или во всяком случае стремлюсь найти, что и стараюсь показать в своих сочинениях. Вообще я самым решительным образом отвергаю приписываемую мне связь с гнозисом, ибо твердо знаю истинные источники своего вдохновения в этом учении: это Слово Божие и жизнь Святой Православной Церкви всяя литургике, всяя почитании Богоматери и святых – ангелов и человеков» [1, с. 3]. Данное утверждение довольно подробно аргументирует современный исследователь, магистр теологии и историк философии Мастегра Владимировна Хачатрян, показывая библейское основание идей софиологов в целом ряде научных статей [15]. В статье «София Премудрость Божия как совокупность и полнота всех божественных и тварных эйдосов» проводится глубокий и серьезный анализ софиологической (в том числе и булгаковской) концепции Софии как содержательницы первообразов творений с библейской точки зрения, и Премудрость рассматривается в женском образе «начала всего» – «решит» как основания всего мироздания, с которой все берет свое жизненное, материальное и движущееся начало и образ (решит – транслитерация еврейского слова, которое часто используется философами и исследователями в такой форме. В переводе означает «глава» и рассматривается как основа мироздания. – Д. Н.). Кроме того, что наиболее важно, М. Хачатрян проводит глубокое исследование самых первичных переводов и оригинальных текстов Библии, показывая, что слово «В начале Бог сотворил...» (Быт 1:1) в более древнем тексте на арамейском гласит: «В Премудрости Бог сотворил...», и делает вывод о том, что Премудрость «от искони, заключая в себе все первообразы творений, проявлялась в процессе сотворения неба и земли в этих образах» [16]. Именно эта многообразность Премудрости, по-видимому, и вызывает трудности и разночтения в понимании образа Премудрости, в том числе и среди Отцов Церкви.

Вчитываясь в подобные исследовательские труды, можно обнаружить, что вопрос определения однозначного понимания образа Премудрости Божией является крайне актуальным. В связи с этим в данном исследовании на основании анализа проблематики учений о Софии Премудрости Божией в патристике совершается попытка актуализации богословско-философского наследия и учения о. Сергия Булгакова о Премудрости Божией для всех исследователей софиологии и предлагается более глубоко рассмотреть его учение без какой-либо предвзятости. Тем более что идеи Софии продвигались далеко не ординарными, а, по многим свидетельствам, гениальными мыслителями: В. С. Соловьёвым, П. А. Флоренским, С. Н. Булгаковым, братьями С. Н. и Е. Н. Трубецкими, А. Ф. Лосевым, – которыми русская философская мысль может по праву гордиться и чьи идеи опрометчиво отвергать без глубокого и серьезного рассмотрения. Таким образом, стоит еще раз обратить особое внимание на постановку богословских проблем, разрешение которых предлагается в софиологическом наследии. Тем более, всё в той же статье Ильина подчеркивается, что существование этой проблематики в богословской науке никто серьезно не отрицает, не исключая и осудившего С. Н. Булгакова Карловацкого епископата. Одна из этих проблем заключается в том, что толкование образа Премудрости Божией в православной традиции не завершено, неполно, ибо затруднено невероятной многообразностью Премудрости в Священном Писании и необоснованным стремлением упростить толкование простым отождествлением со Христом. Пренебрежение этими пробелами в богословском толковании образа Премудрости создает барьер для уразумения собственных интенций С. Н. Булгакова и затрудняет исследование его наследия. Вполне справедливо отмечает К. Н. Антонов: «Просто оказывается, что мысль Булгакова настолько сложная, что попытка ее определить неизбежно наталкивается на то, что Булгаков, возможно, видит проблематику лучше, чем тот, кто пытается описать и как-то квалифицировать его мысль» [Цит. по: 12, с. 274].

Делая **вывод** из всего вышесказанного, становится ясно, что софиологи обратили внимание на проблему толкования образа Премудрости не в последнюю очередь потому, что этот образ за всю историю религиозной мысли оставался непроясненным, несмотря на его явную персонификацию. Наиболее фундаментально подошёл к решению этого вопроса С. Н. Булгаков, который предпринял попытку составления православного учения о Премудрости, отсутствовавшего в православной догматике, и обратился к целому ряду источников: Библии, творениям Отцов Церкви, фактам церковного благочестия. Он обнаружил, что отождествление Премудрости со Христом не только не подтверждалось патристикой, которая заявляла об этом образе лишь параллельно с иными более важными проблемами своего времени, но прежде всего неканоническими книгами Ветхого Завета, а также иконографическими и литургическими материалами Православной церкви. Хотя это крайне актуализировало софиологическую проблематику, никто из осудивших С. Н. Булгакова публично эту проблематику не признал, не разъяснив найденные С. Н. Булгаковым несоответствия. Автор делает вывод, что это связано с многообразностью персонифицированного образа Премудрости в православной традиции и сложностью его толкования. Лишь проведя серьезное исследование этого вопроса и ответив догматически на высказанную С. Н. Булгаковым проблематику, возможно понять средоточие мысли С. Н. Булгакова и закрыть раздражающий многих исследователей фактор софиологических споров XX века.

Напоследок видится важным привести слова современного историка русской философии Алексея Павловича Козырева, который отмечает необходимость подойти к вопросу исследования русской философии с более профессиональной точки зрения: «Мы должны, наконец, отнестись к изучению наших мыслителей так, как это принято в мировой академической практике – не спешить делать из каждой прочитанной статьи

далеко идущие выводы западнического, славянофильского или еще какого-нибудь характера... Тогда из этой мозаики нам, может быть, проглянет иной, не совсем привычный для нас образ философа и его философии» [10, с. 12]. Подобные предложения современных исследователей дают надежду, что профессиональный подход, актуализация и серьезное исследование богословско-философского наследия Булгакова и его учения о Премудрости Божией сделаются новым поводом для окончательного разбора и выяснения темы Премудрости на основательном философском и богословском уровне для его системного конструирования и утверждения в церковно-догматической сфере знания.

Список источников

1. **Булгаков С. Н.** Еще к вопросу о Софии, Премудрости Божией. Докладная записка Митрополиту Евлогию по поводу определения Архиерейского Собора в Карловцах // Приложение к журналу «Путь». 1936. № 50. С. 1-24.
2. **Булгаков С. Н.** Купина Неопалимая. Париж: YMCA Press, 1927. 288 с.
3. **Булгаков С. Н.** Утешитель. О Богочеловечестве. Таллинн: YMCA Press, 1936. 447 с.
4. **Ваганова Н. А.** Софиология протоиерея Сергея Булгакова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. 464 с.
5. **Вернуться к софиологии?** [Электронный ресурс] // Научный богословский портал. URL: <https://bogoslav.ru/article/1574788> (дата обращения: 20.02.2020).
6. **Докладная записка, представленная профессором прот. Сергием Булгаковым митрополиту Евлогию весной 1927 г.** // О Софии Премудрости Божией: Указ Московской Патриархии и докладные записки проф. прот. Сергея Булгакова митрополиту Евлогию. Париж: YMCA Press, 1935. С. 54-64.
7. **Елена, монахиня.** Профессор протоиерей Сергей Булгаков (1871-1944) (личность, жизнь, творческое служение, сияние фаворским светом). М.: Православный университет имени о. А. Меня, 2003. 407 с.
8. **Ильин В. Н.** Церковная смута и обвинение в еретическом модернизме // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1927. № 1. 20 июня (3 июля). С. 19-24.
9. **Князев А., свящ.** Понятие и образ Божественной Премудрости в Ветхом Завете // Православная мысль: труды Православного богословского института в Париже. Париж: YMCA-Press, 1955. Вып. X. С. 92-112.
10. **Козырев А. П.** Соловьев и гностики. М.: Изд. Савин С. А., 2007. 544 с.
11. **Павлюченков Н. Н.** Идея Софии в трудах священника Павла Флоренского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. 2015. № 4 (60). С. 24-38.
12. **Софиология и неопатристический синтез: богословские итоги философского развития:** сборник научных статей / сост. К. М. Антонов, Н. А. Ваганова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 294 с.
13. **Флоренский П. А.** Столп и утверждение Истины // Флоренский П. А. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Путь, 1914. Т. 1. С. 3-490.
14. **Флоровский Г., Четвериков С.** Особое мнение по делу С. Булгакова (1937) [Электронный ресурс]. URL: <http://ivashek.com/fr/research/theology-research/611-osoboe-mnenie-po-delu-prot-s-bulgakova-1937-florovskij-g-chetverikov-s> (дата обращения: 30.05.2020).
15. **Хачатрян М. В.** «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци как источник исследования образа Софии Премудрости Божьей [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kniga-skorbnyh-pesnopeniy-grigora-narekatsi-kak-istochnik-issledovaniya-obraza-sofii-premudrosti-bozhiey> (дата обращения: 18.02.2020).
16. **Хачатрян М. В.** София Премудрость Божия как совокупность и полнота всех божественных и тварных эйдосов // Соловьевские исследования. 2018. № 3 (59). С. 128-142.
17. **Эйкалович Г., игумен.** Дело прот. Сергея Булгакова (историческая канва спора о Софии). Сан-Франциско: Глобус, 1980. 45 с.

Interpretations of Sophia the Wisdom of God's Image in the Russian Religious Philosophy

Nazaryan Debora Artemovna
Saratov State University
deboranazaryan@gmail.com

The article analyses interpretations of Sophia the Wisdom of God's image in works of the Russian sophiologists. The study is based on S. N. Bulgakov's methodology. The researcher examines the key aspects of the Orthodox tradition, which allows revealing the essence of the sophiological disputes concerning interpretation of Sophia the Wisdom of God's image. The paper argues that critical attitude to the Russian sophiology among representatives of the patristic tradition is ungrounded since there is no unified interpretation of Sophia the Wisdom of God's image in the Orthodox theology. The researcher emphasizes the necessity to develop a comprehensive dogmatic interpretation of this image, so as to achieve deeper understanding of the origins of sophiological thought and to end the dispute around S. N. Bulgakov's philosophical heritage.

Key words and phrases: Sophia the Wisdom of God; sophiology; theology; S. N. Bulgakov; Russian sophiology; personification of Wisdom; patristics.